

Камышников Л. Женщина, которую любил Чехов // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1954. 11 июля. № 15415. С. 2.

Женщина, которую любил Чехов

Чехов закончил «Чайку» в 1896 году. В октябре того же года пьеса была поставлена на сцене Александринского театра в Петербурге. Несмотря на прекрасный состав артистов, «Чайка» жестоко провалилась. Не спасло даже участие Комиссаржевской, игравшей Ниину Заречную. Тригорина играл Сазонов, Треплева Аполонский, Аркадину — Дюжикова и Сорина Давыдов.

Через два года, 17 декабря 1898 года «Чайка» впервые увидела свет рампы молодого Московского Художественного Театра. Это был триумф и автора и театра. «Чайка» родилась вновь и с тем, чтобы навсегда остаться символом нового в искусстве сцены. Недаром она изображена на занавесе Художественного Театра как бы устремленная к вечно прекрасному.

В том, что «Чайка» навеяна Чехову действительным происшествием, теперь уже нет сомнения. Ни в одном произведении Чехова нет столько субъективного содержания, как в этой его самой лирической пьесе. Из этого не следует, конечно, что все характеры ее списаны с живых людей. Многие их черты заведомо изменены, другие подверглись радикальной художественной обработке, но в главном и основном пьеса списана с натуры.

Существовала женщина, названная Ниной Заречной, любившая сначала того, кого в пьесе зовут Треплев, а потом, неожиданно для нее самой почувствовав влечение к писателю, коему имя в пьесе Тригорин. Изображая себя в Треплев, Чехов изменил и ситуацию, и самый характер типа почти до полной неузнаваемости, но даже такой резкий художественный грим не скрыл, а наоборот, выявил свое, Чеховское, и главное, его терпимость и внимание к новой литературе, его отвращение к театральной рутине. Отрицая шаблон старой сцены, он случайно отдал свою «Чайку» в руки того, который был ярым врагом новшества на сцене, кто не только не искал новых форм но и глубоко их ненавидел. «Чайку» ставил на Александринской сцене драматург и режиссер Евтихий Карпов.

Вспоминаю 1909 год. На собрании театральной молодежи в здании Общества Поощрения Искусств на Морской, мне пришлось выступить по вопросу о новых течениях в театре. — Нельзя, сказал я, плестись на волнах рутинной в то время, как мир преодолевает пространства, побеждая воздух. Нужны какие то новые темпы и отвечающий на них новый ритм на сцене. Председатель Евтихий Карпов изумительно ответил, что «искатели новых темпов» могут легко «шлепнуться» со своих «образжаемых высот». В эту минуту Карпов вероятно забыл как «шлепнулась» в его постановке «Чайка», в которой он не уловил этого нового ритма на сцене.

Сюжет Чайки — действительное происшествие. Если в

Треплев отразились смелые дерзания Чехова, то в лице Тригорина Чехов осудил мало оригинальное эпигонство литераторов конца 19 века. Они не были бездарны, но они как Тригорин сам признается писали «мило, талантливо, но до Толстого и Тургенева далеко».

Под именем Тригорина Чехов выбрал на сцену писателя И. Потапенко, способного, весьма плодотворного но окончательно снискившего до того ремесла беллетриста. Потапенко в то время молодой красивый, певчий приятным баритоном романсы был уже женат, что не помешало ему увлечься и, в свою очередь, увлечь молодую талантливую девушку. Она поехала за ним в Париж, сошлась с ним, и родила ребенка который вскоре умер. Потапенко бросил девушку еще до рождения ребенка. Оставшись одна, она писала Чехову, и в их горько жаловалась на тоску и одиночество. В пьесе она названа Ниной Заречной. Пьеса заканчивается на четвертом акте уходом Нины в неизвестность по тяжелой и неблагоприятной дороге провинциального служения сцене.

Кого же изобразил Чехов в образе Нины Заречной, кто была та Чайка, которая пережила личную трагедию, так глубоко тронула сердце писателя, что он нашел последовательным и художественно оправданным закончить пьесу самоубийством Треплева, заплатившего жизнью за любовь к Чайке.

Настоящее имя Нины Заречной — Лидия Стахиевна Мизинова. В выходящей в Чеховском издательстве книге Бориса Зайцева, «Чехов» — Лидия Стахиевна Мизинова представлена как подруга Марии Павловны, сестры А. П. Чехова. Лидия Мизинова появляется в доме Чеховых в начале девятидесятых годов. Очень красивая полная девушка, с пепельными выходящими волнами, прекрасными серыми глазами, живого веселого нрава, но с переборами, с большими нервностями, большими требованиями к жизни.

«В дружеском кругу, пишет Б. Зайцев, ее звали Ликой. Она служила в Москве в городской думе, училась драматическому искусству, одно время была младшей преподавательницей в гимназии Ржевской, откуда и ее знакомство с Марьей Павловной. Лика пела, вообще обладала артистической жилкой. В Москве у нее было много знакомых в кругу литературно-художественном, среди них Чехов и Левитан. Обоим им она нравилась».

Сестра Чехова Мария Павловна в своих воспоминаниях приводит разговор с братом о Лике, на Московском вокзале в день первой постановки «Чайки» на Александринской сцене.

«Я тебе в ложе целую выставку устроил, говорил Антон Павлович. Все красавицы будут. А вот Лике пожалуй будет неприятно. В театре будет Игнатий и с Марьей Андреевной (И. Потапенко с женой). Лике от этой особы может достаться, да и ей самой едва ли приятна эта встреча».

У Лики, пишет М. П. Чехова, были свои основания волноваться по поводу первой постановки «Чайки». Она только недавно пережила свой неудачный роман с Игнатием Николаевичем Потапенко. При чтении «Чайки» всем нам было ясно, что Антон Павлович в какой то степени отразил этот роман в своей пьесе. И, конечно, спектакль Лике волновал. Это еще одно подтверждение, тому, что Чехов взял роман Лики с Потапенко, как канву для «Чайки». И как навис в свете этой истории расхождение Шепкиной-Куперник с Потапенко, уже во времена советские «Часто замечала я, пишет Шепкина-Куперник, что писатели, в том числе и Чехов, заинтересованные каким нибудь «типажем» (советское слово Л. К.) дают его портрет, но ставят его в абсолютную вымышленную обстановку, заставляя переживать воображенные писателем события. И очень часто бывает, сила интуиции так велика, что эти типы потом попадают в аналогичные с героями рассказы условия... Так было с этой девушкой. Ее бросил писатель, ребенок ее умер, но

все это случилось года через три после написания «Чайки».

Т. Шепкина-Куперник ошиблась. Она явно перепутала события. Лика разошлась с Потапенко в 1894 году. В том же году умер ее ребенок. «Чайка» написана и закончена в 1896 году, т. е. через два года после разрыва Потапенко с Ликой. Чехов умер 15 июля 1904 года по старому стилю. Восемь лет прошло с момента первой постановки пьесы до смерти ее автора. Тогда вопросы о реальных участниках разыгравшейся между Ликой и Потапенко драмы в литературе не возникало. Только теперь мы знаем реакцию Чехова на поведение его друга. По поводу того что случилось между ним и Мизиновой Чехов выразился кратко и убедительно, написав сестре про поступок Потапенко только одно слово: «свинья».

Только теперь, через пятьдесят лет после его смерти, мы узнаем многое такое, чего не знали даже близкие друзья Чехова.

О Лидии Мизиновой было известно только то, что она вышла замуж. Лике, героине Чайки, любил два великих русских человека — Чехов и Левитан. После 1902 года, — года замужества, Лика сошла со сцены. Появлению ее здесь, в Америке, посвящены последние строки моих воспоминаний.

В начале тридцатых годов в Америку приехал известный русский режиссер, имя которого связано с основанием Московского Художественного театра. Не считая своевременным помешать его имя, назовем его Н.

При частых встречах с Н. вспоминалась Россия, ее театр, деятели МХАТа, отдельные постановки, и участие в этом моего собеседника. Н. в разговоре часто вспоминал о своей жене и раз называл ее по имени, когда я выразил желание с ней познакомиться.

— Моя Лидия Стахиевна будет очень рада, сказал Н.

Редкое в русском быту имя «Стахиевна» оживило в моей памяти воспоминание о Лике. Мои сведения о Мизиновой не шли дальше слышанного об увлечении Чехова Ликой, о ее чувствах к Потапенко, и о том, что разыгралось там в Париже, после отъезда Лики из имени Чехова «Мизинова» за границу. За тридцать с лишним лет, которые прошли с тех пор, была опубликована часть переписки Мизиновой с Чеховым, с его сестрой Марьей Павловной, но вся картина взаимоотношений людей, непосредственно имевших отношение к Чайке, была мало известна. Н. как бы приподнял завесу над прошлым. Не было сомнений, мне предстояло познакомиться с Чайкой.

Н. охотно принял приглашение пообедать с женой у нас. Был назначен день. Мысль о встрече с Ликой меня волновала.

Какова она, эта женщина, под непосредственным влиянием которой как будто открывалась новая страница золотой книги русской сцены?

Мне пришлось видеть два воплощения Чайки в театре, и оба, при всем их поразительном несхождении, запечатлелись в моей памяти. Первое представление «Чайки» на сцене Александринского театра провалилось. В. Ф. Комиссаржевская, получив роль Нины Заречной, проплакала всю ночь за чтением пьесы. Этими слезами она ударила почву для расцвета новой сценической эпохи. Вот где, пожалуй, уместна теория Шепкиной-Куперник о совпадении действительности с выдумкой. Комиссаржевская тема Чайки была душевно близка. В. Ф. пошла на сцену в результате глубокого разочарования, после отвергнутой любви. Нина Заречная уходит в тьму неизвестности, но с верой в свое призвание актрисы. Ведь это и есть сама Комиссаржевская. Слезы, пролитые ею при чтении «Чайки», были слезы ее собственного горя, ее личной трагедии.

Две женщины одинаково пережили драму Чайки. Лика Мизинова и, воплотившаяся в эту Лиду, Вера Комиссаржевская.

И теперь, в ожидании встречи с Ликой Мизиновой, эти два образа слились в моем воображении. Помня прекрасно Комиссаржевскую-Чайку, я и

когда не встречал той, которая связана с героиней пьесы, узлом трагических переживаний, в которых участвовала не только она, но и сам Чехов.

О третьей Чайке, которая будто бы «спасла» пьесу на сцене МХАТа я тоже кое-что знал. Поставленная через два года в Москве после петербургского провала, «Чайка» реабилитировала себя, как пьеса. Успех постановки был триумфален. Неудача начала вызвала снисходительную критику к пострадавшему и любимому писателю. «Чайка» родила чеховский театр. Но Чайки на сцене не было.

Ниину Заречную в этом спектакле играла актриса Роксанова. Она получила эту роль от Немировича-Данченко, у которого была ученицей в его драматической школе. Я видел Роксанову в «Чайке» позже, лет через десять, когда она ушла из МХАТа и перешла в антрепризу своего мужа Н. Н. Михайловского, сына Н. К. Михайловского. Надо ли говорить что между Роксановой и Комиссаржевской не могло быть никакого сравнения.

В четвертом акте на сцене вылет ветер, хлопая ставни, за сценой где то разбилось оконное стекло: все было, как в Художественном театре, но как и там, на сцене не было Нины Заречной. Сам Чехов определил эту разницу. О Комиссаржевской-Чайке он писал как об «изумительной», а о Роксановой в письме к Горькому выразился даже необычно для него резко и грубо: «Сама Чайка играла отвратительно, все время рыдала наизусть».

Милая и интеллигентная в жизни М. Роксанова была, к сожалению, слабая актриса.

Приблизился день встречи. Волнение мое не прекращалось. За долгую жизнь мне приходилось видеть много больших людей, но навсегда у меня осталась боль о том, что не привелось мне встретить двух, лучших из всех: Толстого и Чехова.

Как ни бесконечно далеко сравнение этих имен с объектом моих воспоминаний, но сознание близости Лики ко второму из них, той которую одно время современники называли «невестой Чехова», не могло не волновать. Ведь Лика все же занимала свое особое место в жизни писателя и его душевно выстраданной «Чайке».

Я понимал, что какова бы ни была сейчас Лика, но той, которую знал и любил Чехов, увидеть нельзя. Когда Чехов переживал, а потом и писал свою драму, Лике было несколько больше 20 лет. С тех пор до момента ее приезда сюда в Америку прошло лет 35. Значит ей лет около шестидесяти, думал я. Что стало с этой стройной девушкой с серыми глазами? Как сохранилось время следы ее всеми признанной красоты? Той, которая на сцене воплотила Чайку, давно уже не было в живых. Комиссаржевская умерла лет за 20 до описываемого мною.

Она пришла в аккурратно назначенный час.

Она вошла в комнату, высокая, стройная, сохранившая ту умеренную полноту, которая не говорит о годах, так как не меняется с возрастом. Серое платье как то связывалось с гладко причесанными, совсем пепельного цвета, волосами. Вместе с длинными, как миндалины, серыми глазами, все это представляло удивительную гармоническую гамму Вистлеровских красок. В том, как она вошла, как предстала, назвав себя именем мужа, как села и заговорила, было нечто неуловимое, необъяснимое, что сразу создало впечатление «особенной необычайной простоты». Через минуту после ее прихода уже казалось что это не новый человек пришел, не чужой, прибывший из далека, а вошла добрая знакомая, которую вы знаете и любите с давних пор.

В ее немногословных фразах, сдержанных жестах, в улыбке, не было и тени фальшивости, или искусственной любезности, или фальшивого желания казаться особенно близкой. Что то было свое, знакомое и пережитое, в этой стареющей красавице, сохранившей в лице и фигуре линию прекрасной женственности.

Откуда эта простота, чем и как она достигается, что она

вам напоминает? Как глубокий источник той духовной ясности, который светит в ее прекрасных глазах?

И мы все это поняли и почувствовали. На нас веяло той чистотой духа, которую человек ощущает, познав мир, людей его населяющих, увидев их подлинную человеческую сущность.

На нас повеяло чеховской простотой, той которую излучал он сам.

Разговор завертелся вокруг мелких незначительных и мало увлекательных тем. Не было положений, о котором говорят, что беседа «не клеится».

Наоборот, она склеилась легко, так ненапряженно, ненадуманно, что хотя сейчас, через много лет, нельзя и вспомнить о чем шла речь, но именно в этой непринужденности, в этой случайности, в том, что не надо было изощряться, придумывать, умищать или «блистать», и была прелесть этой первой встречи с Ликой.

Нельзя было не любоваться мягким светом ее чудесных серых глаз, о которых так часто упоминают Чехов и все, ее знавшие. В них иногда сверкала лукавый огонек, но в этом лукавстве не было и тени иронии, или иронии над людьми, или насмешки над ними. Наоборот, в этом было какое то излучение благорасположения, ощущение радости и близости к людям. И это, несмотря на то, что Лидия Стахиевна вовсе не казалась здоровым и бодрым человеком, что следы болезни, о которой говорил ее муж, отражались в сероватом цвете ее кожи, в темных кругах, еще более оттенявших серосинюю окраску ее действительных чудесных глаз. И улыбка у нее была такая же ясная, всепонимающая и всепримиряющая.

Лика в этот вечер курила усиленно и много. Это сосредоточенное курение говорило о том, что внешнее спокойствие, казавшееся таким умиротворяющим всем окружающим, не было спокойствием ее самой. Болезнь ли, приближение старости, или тяжесть пережитого сказывались в этом непрерывном, без передышки, затягивании дымом, папираса за папирсом.

И слушая ее, отвечающую на все вопросы так просто и непринужденно, становилось ясно, что никак, ни при каких условиях, ей нельзя задавать вопросов ни о ее собственной

жизни, ни о прошлом, ни о тех людях, с кем это прошлое связано.

Говорили о литературе, но имя Чехова не было упомянуто. Спорили о театре, но о «Чайке», как будто никто и не вспоминал. Ясно было до очевидности, что на все темы, связанные с Ликой с ее прошлым, с ее молодостью, с тем, что исключало ее имя в биографию любимого русского писателя на все это наложено «табу» и ни один из присутствующих не отважится его нарушить.

Если бы такое произошло, если бы кто либо из нас отважился задать вопрос из серии перечисленной, Лика так же просто, как закуривала папирс, ответила бы на него, но этого не произошло.

Тень Чехова витала над нами весь вечер.

И ушла Лика так же, как пришла, как старая знакомая, которая может прийти в дом, как к себе, но в то же время, никак не нарушит вашего покоя. Интимность без фамильярности, таково отношение к людям таких, как Лидия Стахиевна, она же Лика.

Мы встретились еще раз. Случайно опять сидели рядом. Она много курила. За столом собралось все, что тогда украшало русскую Америку. Режиссер Метрополитэн опера — муж Лики, химик, профессор Ипатьев, Рахманинов, художник Григорьев, балетмейстер Михаил Фокин и другие. Лидия Стахиевна была та же — курила, со всеми разговаривала, без тени рисовки, без различия степени величия каждого. От восторженности Нины Заречной не было следа.

Улыбаясь прекрасным ртом, лучистыми, огромными, как у Комиссаржевской, но как то в длину вытянутыми, серыми глазами...

Вскоре она уехала. Муж писал о тяжелой ее болезни, которую он переживал трагически.

В книге «Чехов» Борис Зайцев пишет, что посетив в 1937 году знакомую в больнице на Рю Диодот в Париже, он узнал, что в соседней застекленной комнате, отделенной от общей палаты, лежит больная Мизинова, Лидия Стахиевна, бывшая Лика, бывшая чеховская «Чайка».

Она умерла в том же году, на той же больничной койке.

Л. Камышников